

в одинаковых условиях, под углом зрения одних и тех же художественных вкусов, в определенную литературную систему; эта система надолго задержала в духовной школе старые литературные навыки XVII в. и медленно уступала место новым поэтическим приемам, шедшим из светской литературы XVIII в.

II. К истории школьного театра в Астрахани

В рукописном собрании Научной библиотеки Саратовского Государственного университета среди поступлений недавнего времени имеются два сборника конца XVIII и начала XIX вв. (№ 2127 и 2128), составленные протоиереем Скопиным, служившим в Астрахани (в сборниках есть ряд слов, произнесенных им в Астрахани, и несколько черновиков писем к астраханскому епископу Платону). Оба сборника составлены из самого разнообразного материала: тут и печатные брошюры различного содержания — светского и духовного, копии его собственных сочинений и писем, образцы политической сатиры конца XVIII и начала XIX в., бытовавшей в рукописной традиции — отголоски французской революции, войн с Наполеоном и т. д.¹ Собиратель, как показывает состав сборников, живо интересовался всей тогдашней жизнью в целом, а не только своими профессиональными делами. В сборник № 2127 вплетена маленькая тетрадошка, писанная побледневшей скорописью второй половины XVIII в., содержащая неоконченную копию пьесы, неизвестной еще исследователям старинного русского театра.

Не внося ничего нового по существу в наше знакомство с разнообразными типами школьных драм, новая рождественская пьеса, повторяющая их и своим замыслом, и литературным оформлением, интересна, однако, в том отношении, что она дает возможность предположить наличие хотя бы самого упрощенного школьного театра в Астрахани, где до сих пор мы не имели на него никаких указаний.

Пьеса начинается без всякого заглавия непосредственно прологом, произносимым «монахом». Этот пролог сразу вводит нас в содержание пьесы, относящейся к циклу рождественских драм, так распространенных в репертуаре школьного театра. По построению пролог представляет тот простейший тип, который давал зрителям краткое изложение содержания всей пьесы.² На основании этого пролога мы можем установить, что в копии недостает лишь самого конца пьесы — последний, упоминаемый в прологе эпизод, — избиение младенцев Иродом. От этого эпизода в рукописи сохранилось начало, и утерян, видимо, конец разговора офицера с воином.

¹ См. об этих сатирах мою статью в «Трудах Отдела древней литературы ИЛИ АН СССР», т. III, стр. 335—366.

² Этот тип пролога знают все наши пиитики, усвоившие формулировку Понтана: «Prologus est oratio ante fabulam legitimam habita ad spectatores, in qua... argumentum fabulae enarratur» (В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 24). Понтан в этом пункте повторил в 1707 г. Лаврентий Горка в своей пиитике «Idea artis poeseos» (там же, стр. 34).